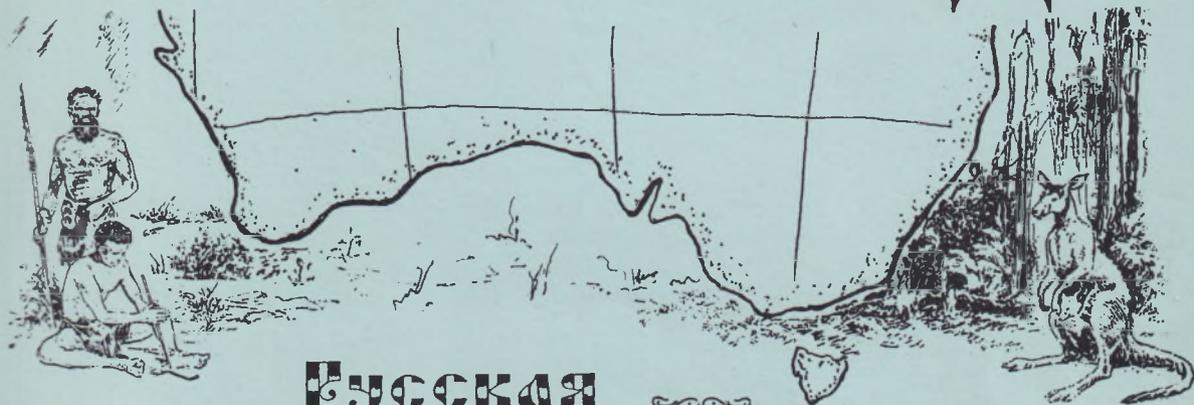
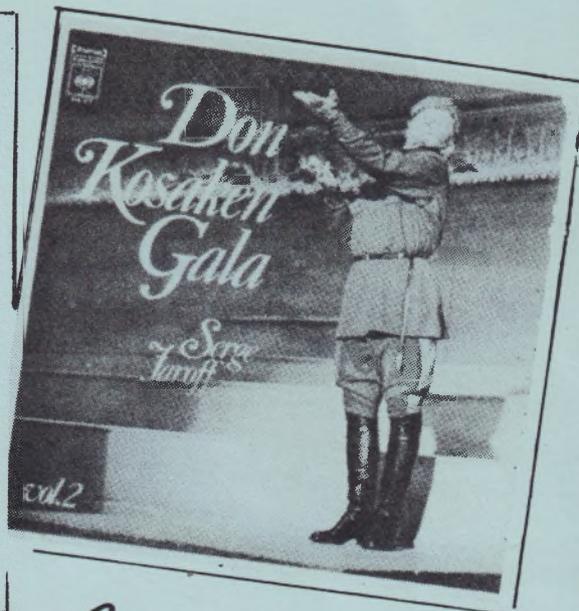

АВСТРАЛИАДА

Русская
ИСТОРИЯ

Сергей
Жаров

СИДНЕЙ

1997

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Елена ГОВОР

Далекий путь

Отныне я находился в плену своего желания быть там, куда потянуло меня всей душой и где я нашел вторую, настоящую родину. У человека их две, но не у всякого; те же, у кого две, знают, что вторую нужно завоевать, тогда как первая сама требует защиты и подчинения.

А.С.Грин. Далекий путь. 1913

Я открыла Австралию в тринадцать лет, в 1971 г. Как-то мне в руки попал сборник "Австралийские рассказы". Я до сих пор помню этот долгий зимний вечер. Мириады безликих домов за окном, безликий город, безликая страна, пытавшаяся обезличить и меня,—все внезапно исчезло, развеялось как туман. Я оказалась посреди открытой мною новой земли. Ветер, напоенный запахом эвкалиптовых листьев, шелестел в сухой сероватой траве, мерно покачивалась повозка, запряженная волами, наш путь лежал к цепи голубых холмов на горизонте. Все должно было свершиться там, впереди. Теперь, глядя назад, я думаю, что вот это чувство свободы, осознание того, что есть такая земля, где все зависит от тебя самого, и было самым главным, что притягивало меня к Австралии. Хотя бы в мечтах она делала меня свободной, выводила прочь от окружающей тягостной действительности. Бескорыстное, рыцарское служение Австралии стало моим способом "жить не по лжи", к которому призывал Солженицын. О Солженицыне, впрочем, я тогда еще не слышала. Дав обет верности Австралии, я, в своем юношеском максимализме, теряла Россию, и только позже, когда школьная пропаганда любви к родине осталась позади, я вернулась к ней и увидела ее по-новому, через историю своих предков, через художественную литературу и "тамиздат". В те же далекие глухие годы я была убеждена, что моя подлинная родина там, на другом конце земли, в другом времени.

Помню, как поразил меня рассказ Александра Грина "Далекий путь", герой которого пережил то же, что и я и в конце-концов дошел до земли своей мечты. Но Андрей Снявский с его трагическим рассказом "Пхенц" о судьбе инопланетянина, застрявшего на земле, пожалуй, лучше всех описал этот новый тип людей, порожденных советской действительностью. Уже спустя годы я поняла, что в своем бегстве от нее я была не одинока, вокруг меня жили такие же молчаливые Пхенцы. Жизнь за Железным занавесом создала из нас удивительное племя путешественников-мечтателей, и Австралия стала самой недосягаемой, неведомой, неизбитой, а потому самой притягательной целью наших "путешествий". Увы, только единицы из нас добрались до ее берегов. И то, что я пишу эти строки, глядя из своего университетского кабинета на усеянные солнечными бликами вершины эвкалиптов, и ветер временами доносит сюда треск цикад и пересвист полугаев, счастливое исключение из правила.

Долгие годы моя жизнь текла в двух реальностях. Я жила в Минске, закончила школу, библиотечный факультет Минского института культуры, работала заведующей архивом в научно-исследовательском институте. И любила Австралию. Сначала просто читала о ней, растила в кадке эвкалипт, встречала Новый год по австралийскому времени. Потом задумала составить библиографию "всего-всего", что написано об Австралии на русском языке. Такие глобальные планы возможны только в юности. Каждый вечер после занятий или работы я шла в библиотеку, и моя картотека выписок на карточках, нарезанных ножницами, все росла. Каким-то образом мне удавалось откладывать деньги от 40-рублевой стипендии и на каникулах ездить в Москву, работать в Ленинке—национальной библиотеке. Кажется

не было ничего прекраснее этих часов у настольной лампы в большом полутемном зале с горой дореволюционных журналов и книг об Австралии. И были люди, — моя бабушка, Людмила Иосифовна Борисевич, прошедшая сталинские лагеря и знавшая, что возможности человека беспределены; замечательный поэт Галина Усова, подарившая мне рукопись книги о своем открытии Австралии, которую она не могла опубликовать; ученые из отдела Австралии Института востоковедения АН СССР Алла Савельевна Петриковская и Ким Владимирович Малаховский,

которые помогли мне воплотить мой интерес к Австралии в книги и статьи; и наконец, мой муж, этнограф-австраловед Владимир Рафаилович Кабо, который сам рассказал о нашей встрече в книге "Дорога в Австралию". В 1983 г. я переехала в Москву, и через два года моя "Библиография Австралии (1710-1983)", зарегистрированная около 6 тысяч книг и статей, была напечатана.

Так, постепенно, Австралия перестала быть моим тайным увлечением, она все больше становилась моей профессией: я участвовала в конференциях по изучению Австралии и Океании, собиравших раз в год в Институте востоковедения специалистов со всех концов Советского Союза, писала статьи по истории русско-австралийских контактов, перевела книгу Фреда Роуза об австралийских аборигенах, составила "Библиографию Океании", которая так и осталась неопубликованной. В 1989 г. сбылось мое давнее желание — я стала младшим научным сотрудником в отделе Южнотихоокеанских исследований Института востоковедения. Вместе с А.Я.Масовым мы подготовили книгу "Российские моряки и путешественники в Австралии". Да, внешне все было благополучно, но я никогда не предавала ту далекую девочку из Минска, которая сказала неведомой земле "Я — приду". И невероятное случилось. Мой муж, который 30 лет был "невъездным", получил грант на поездку в Австралию от Института по изучению аборигенов и был выпущен из Советского Союза. 30 августа 1990 г. мы ступили на австралийскую землю. Австралия оказалось именно такой, как нам мечталось все эти годы, мы с радостью "узнавали" то, чего никогда не видели, мы чувствовали, что наш дом именно здесь. В конце четырехмесячной поездки, когда мы уже вот-вот должны были возвращаться в Россию, я получила стипендию для работы над докторской диссертацией в Австралийском национальном университете и мы остались в Австралии, как оказалось навсегда. Недавно я получила степень доктора философии. В своей диссертации "Русские представления об Австралии, 1788-1919", я попыталась обнаружить истоки русского интереса к этой стране, истоки моей собственной неожиданной любви к ней. В следующем году диссертация будет издана Melbourne University Press на английском языке под названием "Австралия в русском зеркале". Теперь я работаю над книгой о русско-аборигенской семье Ильиных.

Мы живем в Канберре на тихой улице, заросшей высокими дубами. Перед домом мы посадили свои первые австралийские деревья — банксию, мимозу, варату и буттл-браш. И еще у нас растет сын Ральфи, который говорит по-русски, но с детства считает себя австралийцем. Мы пришли к тебе, Австралия!